

¹ Забияко А.А., ² Чжоу Синьюй, ³ Лю Ши,
⁴ Фэн Ишань, ⁵ Цюй Чжи

^{1,2,3,4,5} Амурский государственный университет

^{1,2,3,4,5} 675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21

¹ sciencia@yandex.ru, ² zhoyidian@qq.com, ³ 228349909@qq.com,

⁴ 1024495050@qq.com, ⁵ 475928164@qq.com

А.А. Забияко

Религиозная жизнь северо-маньчжурского города первой половины XX в. (Павел Шкуркин)

Аннотация. Миграционные процессы, начавшиеся в середине XIX в. и повлиявшие на развитие северо-востока Китая, были детерминированы встречными волнами движения «Переход в Гуаньдун» и строительством КВЖД, тесно переплетены с антиколониальным движением в Китае, падением Цинского правления, японской агрессией. Новизна исследования – в соотнесении этнографических и религиоведческих наблюдений начала XX в., проделанных русским этнографом и Китаеведом, писателем П.В. Шкуркиным, и материалов исследований современных китайских историков и этнологов, обращённых к религиозной жизни северо-маньчжурского городка Хуланчен. Указанные тексты не только фиксируют уникальный этнографический, этносоциальный и этнорелигиозный материал в его историографической парадигме и динамике. Амбивалентное соотнесение русской и китайской установок на восприятие этнорелигиозных процессов сквозь призмы «чужое/своё» и «неангажированное/ангажированное» эксплицирует глубинные процессы инкультурации и синкретизации религиозных представлений населения северо-восточных городков в результате их добровольного окитаивания. Среднестатистический маньчжурский городок Хуланчен становится прообразом всей Северной Маньчжурии начала XX. Лишённое политически ангажированных коннотаций, исследование фиксирует детали этнокультурной жизни северо-восточного Китая спустя полвека после начала «Перехода в Гуаньдун», отмечая трансформацию этнического и духовного сознания жителей Северной Маньчжурии. Такая перспектива научных исследований открывает новые грани в современном урбанизме – сквозь призму религиозных реконструкций.

Ключевые слова: Переход в Гуаньдун, Северная Маньчжурия, миграционные процессы, Хуланчен, этнорелигиозные обычаи и традиции, ассимиляция, инкультурация, религиозный синкретизм, П.В. Шкуркин, художественная этнография

¹ Anna A. Zabyako, ² Zhou Xinyu, ³ Liu Shi,
⁴ Feng Yishan, ⁵ Qu Zhi

^{1,2,3,4,5} Amur State University

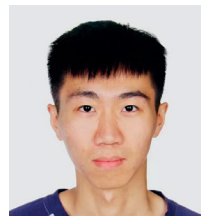
^{1,2,3,4,5} 21 Ignatievskoe shosse, Blagoveschensk, 675027, Russia

¹ sciencia@yandex.ru, ² zhoyidian@qq.com, ³ 228349909@qq.com,

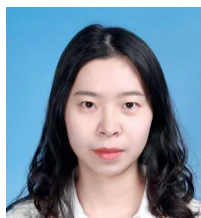
⁴ 1024495050@qq.com, ⁵ 475928164@qq.com

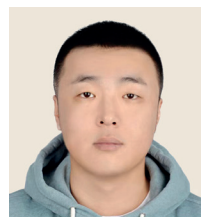
Чжоу Синьюй

Лю Ши

Фэн Ишань

Цюй Чжи

Religious Life of the North Manchurian City in the First Half of the 20th Century (Pavel Shkurkin)

Abstract. Migration processes that began in the middle of the 19th century and influenced the development of the northeast of China were determined by the counter waves of the “Transition to Guandong” movement and the construction of the CER, closely intertwined with the anti-colonial movement in China, the fall of the Qing rule, and Japanese aggression. The novelty of the study is the correlation of ethnographic and religious studies observations of the early 20th century, made by the Russian ethnographer and sinologist, writer P.V. Shkurkin and research data of modern Chinese historians and ethnologists, addressed to the religious life of the North

Manchurian town of Hulanchen. These texts not only record the unique ethnographic, ethnosocial and ethno-religious materials in their historiographical paradigm and dynamics: the ambivalent correlation of Russian and Chinese attitudes to the perception of ethno-religious processes through the prism of “us/them” and “unbiased/biased” also explicates the deep processes of inculturation and syncretization of religious beliefs of the population of northeastern towns as a result of their voluntary Sinicization. The average Manchurian town of Hulanchen becomes the prototype of the entire Northern Manchuria of the early 20th century. Devoid of politically biased connotations, the study captures the details of the ethnocultural life of northeast China half a century after the beginning of the “Transition to Guangdong”, noting the transformation of the ethnic and spiritual consciousness of the inhabitants of Northern Manchuria. This perspective of scientific research opens up new facets in modern urbanism – through the prism of religious reconstructions.

Key words: Transition to Guangdong, Northern Manchuria, migration processes, Hulanchen, ethno-religious customs and traditions, assimilation, inculturation, religious syncretism, P.V. Shkurkin, literary ethnography

Введение

Северо-восточный Китай (Маньчжурия до 1949 г.) имеет длительную историю становления и развития, определившую уникальность этого региона. Долгое время данные территории были вотчиной знаменитых маньчжуров, что напрямую отразилось в топонимике края и оказало серьезное влияние на социально-политическое и экономическое развитие территорий. Несмотря на маньчжурский облик региона, процессы проникновения ханьцев через Ивовый палисад (маньчж. 和闐/和闐, по Захарову: Бирэгэн чжасэ; кит. 柳邊, *Любянь*), также Граница ивовых тычин (кит. 柳條邊, *Лютяо бянь*) начинаются ещё в конце XVII в., зачастую негласно поощряемые самими цинскими правителями. Голод и гражданские конфликты в центральных районах Китая становятся более мощными регуляторами территориально-административных установлений, нежели национальная иерархия [Цзи Ионхэй, 2004, 31]. Тем не менее, до конца XIX в. большая часть Маньчжурии остаётся территорией с низкой плотностью населения, где живут в основном знаменитые маньчжуры, ханьцы, монголы (в западных, степных районах), а также разнообразные родственные им малые народы тунгусо-маньчжурской и монгольских групп.

Кризисные социальные явления в жизни Цинской империи второй половины XIX в. и неблагоприятные природные факторы (постоянные междоусобные войны, непомерные налоги, 1855 г. – паводок в районе нижнего течения р. Хуанхэ, провинции Шаньдун, Хэнань, Аньхуй и Цзянсу; восстание ихэтуаней 1899–1901 гг. и т.д.) сформировали волну «крупнейшего перемещения населения в истории человечества» – в 1904 г. политика блокады Северо-Востока была отменена [Чжан Юи, 1995]. Синьхайская революция 1911 г. легитимизировала и еще более активизировала миграционный поток ханьского населения на бывшие маньчжурские земли – вагаги китайцев покидают свои дома в провинциях Шаньдун, Чжили, Хэбэй, Шаньси, Хэнань и т.д., окончательно прорывают и без того уже ветхий «Ивовый палисад», направляясь в Гуаньдун (старое название Маньчжурии), чтобы там культивировать землю, искать женственность, промывать золото, строить плотины, заниматься торговлей, добывать минералы [Ван Синьжуй, 2016, 1].

В современной китайской историографии и социологии данное движение получает название «Переход в Гуаньдун» («Прорыв в Гуаньдун») (упрощённый китайский: 闯关东; традиционный китайский: 闖關東; пиньинь: Chuǎng Guāndōng; МФА: [tʃ^hwàn kwán.tuŋ]; буквально «врезаться в Гуаньдун»). Лишь за период 1891–1942 гг. из Внутреннего Китая в Маньчжурию прибывает 25,4 млн. чел. Несмотря на то, что сезонные рабочие в количестве 16,7 млн. убывают в обратном направлении, 8,7 млн. мигрантов из Центрального и Северо-западного Китая оседают на этих землях [Ли Цзюнь, Ху Пен, 2016, 104–114]. Сам термин появляется довольно поздно – в 2005 г. [Ван Синьжуй, 2016, 2], однако сегодня он как нельзя точнее определяет характер той мощной миграционной волны, что сформирует современное население северо-восточного Китая. Социокультурный состав мигрантов исторически определяли не только голодающие крестьяне, ищущие возможность сколотить состояние на разного рода промыслах, но также пассионарии другого рода – беглые солдаты, каторжане, ссыльные и, безусловно, проходимцы всех мастей, спасающиеся от голода и произвола властей.

Правительство династии Цин рассматривало северо-восток Китая как место «вплетения дракона» (龙兴之地) и строго проводило политику ограничений. Традиционные северо-восточные города были в основном маньчжурскими знаменными поселениями и местом проживания чиновников. Переселение китайских мигрантов в Северную Маньчжурию было детерминировано поиском плодородных земель, потому вновь прибывшие селились на земле и занимались в первую очередь сельским хозяйством. Городское население росло медленно. Маньчжурия практически не развивалась, сохранив на долгие годы традиционный феодальный уклад жизни.

Подъём и развитие городов развернулось сразу после 1898 г. – с начала проникновения на эти земли российского капитала. Строительство КВЖД способствует развитию и модернизации средневековой инфраструктуры. Появляются новые города (Цицикар, Сахалян (Хэйхэ) и др.). Развиваются старые – сугубо маньчжурские городки. Социальная структура этих поселений претерпевает изменения. Торговцы постепенно становятся основной частью населения, набирает силу рабочий класс, в городах появляется прослойка свободных интеллектуалов [Чжан Юи, 1995].

В период Китайской Республики городское строительство, городская промышленность и торговля достигают достаточно развитого уровня. В 1910–1920-х гг. процветание экономики северо-востока напрямую способствовало трансформации функций городов, которые начинают переходить от военных городков и знаменных поселений к развитым экономическим центрам [Гао Сяоянь, 1993, 118].

Одним из таких пограничных городов северо-восточного Китая был Хуланчен 呼兰城, имевший стратегическое значение для истории Северной Маньчжурии [Шкуркин, 1902, 3]. В книге «Анналы округа Хулань» есть описание истории развития и изменений района Хулань в периоды разных династий [Цзян Шичжон, 1994, 100–109]. Из этих и других материалов следует, что 3 декабря на двенадцатый год правления императора Юн-чжэн¹ (27 декабря 1734 г.) по разрешению императорского двора был основан г. Хулан-чен (Хуланчен), в то время находящийся под управлением хэйлунцзянского генерала. В разные эпохи территории города принадлежала разным этносам: хэйшуй мохэ, чжурчжэням Хайси, в конце правления династии Мин им управляли цзяньчжоу чжурчжэни и хоуцзинь, а в 1932 г. попал под владычество Маньчжоу-го.

Итак, Хуланьчен формировался как полиэтничный городок, в котором к концу первой половины XX в. можно было встретить представителей самых разных народов северо-восточного Китая: маньчжуров, ханьцев, японцев и др. Такое смешение этносов на протяжении длительного времени привело к синкретизации традиций, религиозных верований, культур в рамках феодального уклада жизни.

В начале XX в. уникальную этнокультурную и этнорелигиозную ситуацию в городе в своих очерках зафиксировал П.В. Шкуркин («Хулан-чен» (1902), «Город Хуланчен. Очерки из исторического и экономического быта Центральной Маньчжурии» (1904) [Шкуркин, 1902; Шкуркин, 1904]. Благодаря данному опыту мы можем сегодня детально реконструировать экономическую, социальную, демографическую, лингвокультурную и тесно связанную с этими аспектами религиозную ситуацию в приграничном городке Хуланьчене (Хулане) на рубеже веков – в период, когда мощные революционные трансформации еще не коснулись жизни китайского общества, но предпосылки к изменению этнокультурной и этнорелигиозной ситуации уже зрели в нем сами по себе.

Степень изученности проблемы

Проблемы, связанные с миграционными процессами на Дальнем Востоке, фронтальной ментальности, этнопсихологических и этнорелигиозных универсалий русского и китайского сознания понятийно определены в работах А.П. Забияко [Забияко, 2002а; Забияко, 2002б; Забияко, 2008]. Процесс движения «Переход в Гуаньдун» изучен китайскими историками [Фань Лицзюнь, 2016], политологами и социологами [Ли Юйцинь, 2008]. Литература «Перехода в Гуаньдун» исследуется современными китайскими литературоведами Ван Синьжунем, Дуань Юлинем, Ли Чанхуном [Ван Синьжуй, 2006; Дуань Юлинь, Гао Чживэй, Кан Сяньбин, Чжан Тин, 2017; Ли Чанхун, 2007].

Феномен художественной этнографии в творчестве дальневосточных писателей изучен А.А. Забияко [Забияко, 2016]. В серии публикаций А.А. Забияко и Чжоу Синьюя осуществлена реконструкция формирования научного и художественного сознания П.В. Шкуркина [Забияко, Чжоу Синьюй, 2019].

Методология и методы исследования

Работа выполнена на основе историко-генетического, культурно-исторического, историко-литературного методов.

Методологической основой исследования служат работы по религиозному синкретизму [Забияко, 2006], религиозной инкультурации [Чирков, 2015], религиозной синкретизации в условиях дальневосточного фронта [Конталева, 2019; Конталева, 2020].

Историческая основа исследования сформирована с опорой на труды китайских исследователей [Гао Сяоянь, 1993; Цзян Шичжон, 1994; Чжан Юи, 1995; Ли Синь, 2011].

Этнокультурные, этнорелигиозные, этнопсихологические процессы дальневосточного фронта исследуются с опорой на работы А.П. Забияко [Забияко, 1999; Забияко, 2001; Забияко, 2003; Забияко, 2009; Забияко, 2010; Забияко, 2016]. Религиозные традиции тунгусо-маньчжурского населения Северо-Востока Китая исследуются на основе работ С.М. Широкогорова [Широкогород, 2001а, Широкогород, 2001b], Чжан Линьбэй [Чжан Линьбэй, 2010; Чжан Линьбэй, 2011].

Введение в научный оборот текстов китайских ученых обеспечено научным переводом и комментированием.

Новизна исследования и постановка гипотезы

Анализ исследования русского этнографа и китаевода Павла Шкуркина, зафиксировавшего этнорелигиозные процессы начала века на фронтальной территории северо-востока Китая – в соотношении этого материала с работами современных китайских ученых, является, безусловно, новаторским. Невзирая на разницу этнокультурных, познавательных, рецептивных и идеологических установок, данные материалы открывают уникальные возможности для религиозоведческого осмысления. Кроме источниковедческой ценности, представленные русские и китайские материалы развивают концептуальные основы изучения результатов встречных миграционных процессов, механизмов порождения художественной этнографии и выстраивания типологии мышления дальневосточных авторов – носителей фронтальной ментальности – по обе стороны границы.

Обсуждение результатов исследования

В российском интеллектуальном сознании Маньчжурия (современные территории Северо-Востока Китая – восточная часть автономного района Внутренняя Монголия и северо-запад Хэйлунцзянской провинции) долгое время представляла собой terra incognita. В период образования династии Цин в 1670 г. её первыми пересекли по дороге в Пекин российские дипломаты – И. Милованов, Н. Спафарий, И. Избрант. И только когда были заключены Айгунский (1858) и Пекинский (1860) договоры, и левобережье Амура и Уссури отошли к России, русские путешественники, по большей части военные, обратили свои пристальные взоры на ресурсную и этническую карту, миграционные процессы данного региона. В конце XIX – начале XX вв. в Центральную Азию осуществляется не менее двадцати экспедиций. Особенный интерес к Маньчжурии обуславливается началом строительства Китайской Восточной железной дороги, сложными политическими процессами внутри Китая и необходимостью для России обеспечить достойное и эффективное присутствие в данном регионе.

В данный период берёт начало своего развития дальневосточная ориенталистика – выпускники Восточного Института формируют мощную школу «практического востоковедения» [Хисамутдинов, 2009]. Одним из подвижников изучения Северо-Востока Китая, выпустившихся из стен этого уникального учебного заведения, становится Павел Васильевич Шкуркин [1868–1943] [Забияко, Чжоу Синьюй, 2019]. Уже до поступления в китайско-маньчжурское отделение он успел много поработать приставом (одновременно – крестьянским начальником, судебным следователем, приставом, лесничим и заведующим морскими про-

мысли) Ольгинского участка Южно-Уссурийского округа, потому имеет серьёзный опыт общения с разнообразными слоями китайского населения [Хисамутдинов, 1996].

К своему выпуску Шкуркин успел изъездить Северо-восточный и Северо-западный Китай, продолжая оттачивать мастерство полевика-фольклориста и этнографа, стал автором трёх серьёзных научных публикаций, одна из которых – «Хуланчен» [Шкуркин, 1901–1902], через два года изданная как «Город Хуланчен. Очерки из исторического и экономического быта Центральной Маньчжурии» [Шкуркин, 1904]. Это был итог трёхмесячного пребывания студента Шкуркина в пограничном маньчжурском городке в 1901 г.

Изложение материала Шкуркиным дано в соответствии с методом включенного наблюдения, интервью и архивных «врезок» – читатель словно путешествует по городу Хулан-чену вместе с фундаментально подготовленным путешественником-автором.

Опираясь на данные хроник и полевые исследования, русский ученый одним из первых среди русских и китайцев фиксирует наиболее достоверные исторические даты возникновения города (27 декабря 1734 г.) – эти цифры сегодня подтверждаю китайские исследователи [Цзян Шичжон, 1994, 100–109]. Шкуркин фиксирует в Хуланченском округе, без Байян-Сусу, Бэй-туань-лин-цзы и Хуланчена, около 36300 семей с 201850 душами обоего пола, и маньчжуров около 13450 чел., то есть приблизительно 6,2 %. В Хуланчене маньчжуров значительно больше – около 8%, и чиновники в городе – все маньчжуры [Шкуркин, 1902, 20].

В 1902 г. Шкуркин может уже констатировать определенные итоги миграционных процессов, протекавших в течение XIX в. на этих территориях и сформировавших полиэтничный состав Хуланчена. Несмотря на явные различия в устной речи, народном костюме, Шкуркин отмечает процесс *ассимиляции* маньчжурского населения с ханьским:

«Маньчжуры до такой степени слились с китайцами, что их теперь ничем нельзя отличить с первого взгляда. Часто встречается типичный по наружности маньчжур – с удлиненным овалом лица, прямыми глазами, тонким горбатым носом, с почти незаметными скулами, здоровым румянцем на щеках и сравнительно густой растительностью на лице; и, к удивлению, узнаешь от него, что он не маньчжур, а китаец» [Шкуркин, 1902, 29–30].

При этом всё ещё актуальным этнодифференцирующим признаком Шкуркин совершенно справедливо отмечает пока заметную разницу в маньчжурских и китайских обрядах перехода:

«Обряды при совершении похорон, свадеб и т.д. – национальные, резко отличающиеся от китайских. Всё это говорит в пользу того, что маньчжуры до сих пор еще не вполне слились с китайцами, чему препятствует гордость и то сознание, что император – маньчжур» [Шкуркин, 1902, 30–33]. Полевые исследования китайских религиоведов, проделанные в начале 2000-х гг., фиксируют рудименты данного обряда в маньчжурских посёлках [Чжан Линьбэй, 2010; Чжан Линьбэй, 2011].

Ещё раньше в Хуланчен были насильственно переселены уйгуры, дунгане и «туркестанцы» из мест их компактного проживания – очевидно, после антицинского восстания (1860–1862 гг.). Беседуя с 84-х летним «стариком-магометанином», Шкуркин узнает, что тот *«слышал от своих родителей, что его дед молодым был переселён сюда, вместе с другими более 100 лет назад из местности, где есть города Турфан² и Аксу³ [то есть – ещё до антицинского восстания 1860–1862 гг. – Авт.]. Переселение было насильственным; но за что, при каком императоре и из какого именно города – он не знает. Кроме того, есть здесь переселенцы и из Шаньдуна, из города Дун-чан-фу⁴; эти переселились позднее, но добровольно или нет, – никто не знает»* [Шкуркин, 1902, 74]. Характерно, что, несмотря на вненациональность ислама, Шкуркин выделяет среди «магометан» два характерных этнических типа – малоприятных, «наглого вида» шаньдунцев (очевидно, хуэйцзи) и «туркестанцев», которые *«очень высокого роста, горбоносые, с прямыми гордыми или злыми бычьими глазами, небольшими усами с большими подусниками, смуглые, здоровые,*

часто красивые, держат себя спокойно и гордо» [возможно, речь идет о казахском населении. – Авт.].

Исламские традиции проникают в бытовую жизнь маньчжур (маньчжурские семьи живут весьма изолированно и в них укоренилось многоженство), а сами «магометане» при этом совершенно естественно – окитаиваются: жилище имама «ничем решительно не отличается от жилищ других китайцев» [Шкуркин, 1902, 73–74]. Кроме того, несмотря на то, что мечеть (Ли-бай сы), подробно описанная Шкуркиным, вся испещрена арабскими надписями – хуланченские мусульмане не знают арабского языка и молитв не понимают.

Далее этнограф, вооружившись знанием «Хэй-лун-цзян-шу-ляо» (документ, подписанный чиновником; кит. 黑龙江署料, пиньинь: heilongjiangshuliao), делает «ревизию» храмов Хулачена и обнаруживает, что трёх храмов из зафиксированных в 1902 г. – Вэнь-чан-мяо (в честь просвещения); Сянь-нун-тань (в честь имп. Шень-нуна, покровителя земледелия); Чжао-чжун-цы (в честь верных чиновников) в городе уже нет – только их развалины, но уже построены новые.

Описания храмов

Описания имеющихся храмов – конфуцианского, двух даосских, буддийского и «народного» – выполнены Шкуркиным со всей тщательностью, с профессиональным религиозноведческим подходом [Шкуркин, 1902, 74–85].

Так, «самая большая и самая красивая кумирня – Лао-е-мяо (кит. 老爷庙), считающаяся при этом конфуцианской, описана Шкуркиным в день праздника Лао-е-хуй (встреча Лао-е, народное именование Гуан-ди) [Шкуркин, 1902, 74–77]. Простой народ чтит 5-е число больше, чем 7-е; и поэтому в день Лао-е-хуй народ целый день толпится в кумирне. Большинство ведёт себя так, как мы в музее или картинной галерее: ходит, рассматривает, шупает, курит, плюёт. *«Вот пришел старик лет 70, держа в руках куклу юноши, величиною 3/4 аршина, одетую в шелковое платье и шапочку. Держа её перед грудью, он совершил Цзо-и (поясной поклон) перед главной статуей Лао-е; затем зажжёг пучок курительных свеч у горящей перед божеством красной свечи, выйдя из кумирни с пылающим пучком и куклой в руках, он стал перед сян-ди-ном посреди двора; затем сделал Цзо-и и поднял у куклы спереди платье. Кукла внутри оказалась соломенной, а голова – бумажная, искусно разрисованная, затем старик поджёг куклу, между ног, курительными свечами и положил её вместе со свечами в чашу, стоящую перед ним. Кукла пылала, старик делал Цзо-и, а наблюдавший эту сцену какой-то китаец закурил об пылающую куклу свою ганзу (трубку) и продолжал смотреть. Всё это делалось совершенно спокойно; никакого энтузиазма или религиозного увлечения. А кажется, что старик молился о самом важном, что есть у китайца, что дороже жизни: о даровании потомства своему сыну, потому что с прекращением его рода некому будет принести жертвы его предкам...»*

В этот день перед воротами Лао-е-мяо и Нянян-мяо (кит. 娘娘庙) продаётся масса соломенных кукол мальчиков, девочек, коней и коров. Покупают их больше женщины, приходящая толпами в праздничных платьях, со множеством цветов и серебряных украшений в волосах.

Обычай приносить в жертву куклы людей указывает на то, что в древности приносились божеству в жертву люди, точно также, как обычай погребать вместе с умершим изображения предметов домашнего обихода, денег и статуэтки людей указывает, что когда-то эти вещи и рабов закапывали вместе с покойным хозяином» [Шкуркин, 1902, 74–85].

Культ Лао-е (Гуань-ди) был культурным основанием восьмизнаменной военной системы маньчжуров и являлся объединяющей силой среди разных маньчжурских родов и войск [Ли Хуэй, 2011, 279–281]. Описывая обряды в конфуцианском храме – при этом изначально посвящённом Гуань-ди (Гуань Юю) – Шкуркин подспудно обозначает, что маньчжурские культы размываются под воздействием китайской традиции [Забияко, Чжоу Синььюй, 2019].

Дальнейшее поступательное подробное описание устройства и украшения хуаньченских храмов достойно отдельного изучения. В данном исследовании мы обратим внимание на факты ассимиляции, инкультурации и религиозного синкретизма.

Так, Шкуркин фиксирует, что в конфуцианской кумирне настоятель – буддист: *«На мой вопрос, как же это он, буддист, духовное лицо, не только состоит при конфуцианском храме, – но даже участвует в церемониях – он ответил, что это ничего, так и должно быть, потому что боги одинаковы»* [Шкуркин, 1902, 77].

По его словам, в городе конфуцианцев – огромное большинство, больше 60 тысяч; но все они почитают Фо, Гуань-инь-пуся и всех даосских божеств.

В даосской кумирне – Тай-ян-мяо, или храме солнца, конфуцианская надпись: ван-да-дай-энь-ши (учитель, распространяющие милости на десять тысяч поколений, т.е. вечно) [Шкуркин, 1902, 79]. И смотритель этой кумирни – также буддист-хэшан.

Лун-ван-мяо (кит. 龙王庙) [Шкуркин, 1902, 79–81].

Следующая даосская кумирня Лун-ван-мяо, построенная в 1856 г., «очень интересная», посвящена олицетворениям сил природы.

Отдельного разговора заслуживает культ **Ту Ди гуна**. Автор наблюдает сидящего в отделении слева «беловолосый старик Ту Ди (бог известного участка земли) и его жена; стены разрисованы животными, птицами, сельскими и горными видами; на некоторых путники ходят благополучно, хотя и одиноки; на других, хотя и в большой компании нападает тигр, посылаемый чуть видным в облаках мальчиком» [Шкуркин, 1902, 80].

Как отмечает современная исследовательница, «в начале XIX в. атрибуты ханьского культа уже распространялись среди простого маньчжурского народа, проживавшего в Северо-Восточном Китае. Впоследствии почти в каждом большом населённом пункте, и в ханьском, и в маньчжурском, была кумирня бога Туди (Туди мяо), в которой помещалась статуя Туди или табличка с надписью «Святое место бога Туди». С тех пор маньчжуры, как ханьцы, рассматривали Туди в качестве покровителя. В представлениях маньчжуров и ханьцев Туди не только охраняет свой район от злых духов и всякого зла, но и заботится также об урожае хлебов. Ему молятся часто о выздоровлении от болезни и благополучном путешествии.

Кроме того, согласно религиозным представлениям, Туди после смерти человека делает в особой книге записи про душу умершего, аттестуя её или как добрую, или как злую. Затем Туди представляет о ней доклад высшему по отношению к нему божеству» [Забяко, Чжан Линьбэй, 2013, 73].

В последней, даосской, кумирне **Да-сянь-тан** (кит. 大仙堂) многие изображения совпадают с изображениями в конфуцианском храме [Шкуркин, 1902, 81–82].

Таким образом, вслед за явлением этнической ассимиляции Шкуркин отмечает процесс *инкультурации*. Понятие инкультурации появляется в христианстве, где представляет собой «стратегию распространения христианства, в основе которой лежит изучение культуры христианизуемого народа, адаптация определённых сторон этой культуры к нормам христианства и включение в процесс евангелизации адаптированных к христианству компонентов мировоззрения, верований, обрядности, языка христианизуемого народа» [Забяко, Чирков, 2014, 171], однако очевидно, что само явление выходит за рамки христианства и существует в других культурных, религиозных формациях, сходных с христианскими европейскими. В Хуланчене данные процессы характерны как для исламской традиции по отношению к маньчурам, так и христианской – по отношению к китайским религиям; они синкретически связаны с деификацией и фетишизмом: *«Левая комната – также пустая; по стенам висят обыкновенные китайские пейзажи. Но на правой стене, которая отделяет эту комнату от помещения Будды, написана масляными красками замечательная картина. В правильной круге, аршина полтора в диаметре, изображен седой, бритый, патер с тонзурой (или лысиной); на лбу у него узкая черная повязка. Лицо чрезвычайно характерно: ласковая привычная улыбка, черные живые хитрые глаза; из-под верхнего платья неопределенного (но не китайского) покроя выглядывает белый европейский воротничок. Из-за спины патера выглядывает очень красивая молодая женщина европейского типа; не то испанка, не то полька; с чёлкой на лбу, двумя длинными завитыми буклями на висках и бантом в волосах; правой рукой она держится за тонкую бамбуковую подпорку;*

над ними – переплёт беседки, или окна. По-видимому, как он, так и она – портрет с живых лиц.

На мои вопрос – “Кто это?” настоятель кумирни ответил, указывая на патера, что это – Ху-сань-тай-нян-нян. Итак, патер со своей Дульциней, жившие в Китае лет 50 назад (если судить по причёске дамы), через такой короткий промежуток времени, успели уже попасть в число даосских божеств!

В фанзе, примыкающей к ограде кумирни, живут пять монахов-даосов; главному из них, Ван-мин-чуану, вверен надзор за кумирней. Другие даосы, показывая на него, говорили: “Русский поца”; главный из них, Ван-мин-чуан, показал, висящий у него на шее, маленький серебряный православный крестик, которым он, по-видимому, чрезвычайно дорожил, как талисманом; но откуда он его взял, – не хотел сказать.

При этом внешний вид и фенотипические характеристики монахов-даосов более напоминают исследователю корейцев, нежели китайцев» [Шкуркин, 1902, 85].

Исследователь резюмирует свои религиозоведческие экскурсы социологическими наблюдениями: «Итак, из пяти существующих в Хуланчене кумирень (не считая мечети), три – даосские, тогда как всех даосов – 100 человек; одна – буддийская на 2800 буддистов и одна конфуцианская – на 60000 последователей господствующей религии» [Шкуркин, 1902, 86]. И на основе социологических наблюдений делает обобщение, имеющее отношение к психологии религии:

«Разделение кумирень на конфуцианские и даосские только чисто официальное; в действительности же в Лао-е-мяо и в Нян-нян-мяо мы видели чисто народных или даосских богов; а в Да-сянь-тан – статую Будды, и при том единственную, без присутствия других богов. Конечно (как и приходилось видеть), китаец безразлично посещает все кумирни, и безразлично относится ко всем этим трем религиям, в большинстве случаев не зная, какая в них разница к этому, как мы думаем, большие всего могла приучить народ постоянная смена господствующих религиозных влияний. В самом деле, просматривая историю Китая, мы видим, что чуть-ли не каждый Император, начиная с Ханьской династии и кончая Сунской, отдавал предпочтение то конфуцианству, то буддизму, то даосизму. Религии Императора, конечно, тотчас следовали сначала придворные, затем столица и ближайшие области; часто правление и взгляд на религию успевали перемениться и государственной религией объявлялась другая в то время, когда первая только доходила до отдаленных областей). И весь Китай был полон таких, так сказать, концентрических религиозных волн; очевидно, в народе, не могло не произойти смешения и слияния религиозных догматов, понятий и божеств. И теперешнее деление религий китайцев и стремление втиснуть каждую из них в определённые тесные рамки – совершенно искусственное; это только указывает на пристрастие западноевропейских ученых к строгой классификации, на нежелание отрешиться от европейского, однообразного, нового аршина при измерении старого и состоящего из разнообразнейших частей Востока» [Шкуркин, 1902, 88].

Хуланчен для этнографа – типичный образец религиозности жителей среднестатистического маньчжурского городка. По его мнению, «в Маньчжурии есть религия только одна (не считая магометанской) – общекитайская, народная, с самими незначительными конфуцианскими или буддийскими оттенками».

Заключение

Хулань – среднестатистический город северо-восточного Китая, один из множества приграничных городов. Синкретическое единство верований города Хулань – своеобразных ворот в Северную Маньчжурию – было обусловлено историческими особенностями формирования и становления населения Северной Маньчжурии. Здесь коренное население смешалось с ханьцами и другими этносами, переняв друг у друга не только бытовые привычки, но и традиции, и верования, сформировав особый религиозный комплекс, включающий конфуцианство, буддизм, даосизм, шаманизм и китайскую народную религию, характерную для ханьцев. Смешение людей в городе Хулань привело к смешению и единению религиозных традиций и практик.

Для Шкуркина этнографический и этнорелигиозный опыт исследования станет этапом формирования его этнографической прозы. В период японской агрессии 1931–1945 гг., почти через 40 лет после выхода в свет в России «Хуланчена» П.В. Шкуркина образ города Хуланя, его культуры вдохновит талантливую писательницу «Левого крыла», мигрантку в шестом поколении Сяо Хун на «Сказание о реке Хулань» [Сяо Хун, 1940]. Сопоставление полувековой динамики этнических и религиозных процессов, отраженных в жизни маленького северо-восточного города, является одной из перспектив дальнейшего исследования научной группы.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой Программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», в рамках реализации научной темы FZMU-2022-0008, рег. номер 1022052600017-6.

Acknowledgement

The study was carried out under the financial program of strategic academic leadership “Priority-2030”, as part of the implementation of the scientific topic FZMU-2022-0008, reg. number 1022052600017-6.

Библиографический список

1. Баранов, И.Г. По китайским храмам Ашихэ / И.Г. Баранов // Верования и обычаи китайцев. – М.: ИД «Муравей-Гайд», 1999. – 304 с., илл.
2. Дябкин, И.А. Китай глазами этнографа: П.В. Шкуркин и его «Город Хуланчен» / И.А. Дябкин // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 11: Исторический опыт взаимодействия культур / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2015. – С. 329–339.
3. Забияко, А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. – 437 с.
4. Забияко, А.А. П.В. Шкуркин: биографический, историко-культурный, этносоциальный контекст становления учёного и писателя / А.А. Забияко, Чжоу Синьюй // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2019. – Т.16. – № 4. – С. 135–142.
5. Забияко, А.П. Вклад И.В. Попова-Вениаминова, митрополита Московского, в изучение религии и христианизацию коренных народов Северо-Восточной Азии / А.П. Забияко, Н.В. Чирков // Религиоведение. – 2014. – № 4. – С. 162–179.
6. Забияко, А.П. Порубежье / А.П. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 9: Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2010. – С. 5–10.
7. Забияко, А.П. Порубежье как данность человеческого бытия / А.П. Забияко // Вопросы философии. – 2016. – № 11. – С. 26–36.
8. Забияко, А.П. Похоронная обрядность маньчжуров: генезис, история и современное состояние / А.П. Забияко, Чжан Линьбэй // Религиоведение. – 2013. – № 1. – С. 60–84.
9. Забияко, А.П. Религиоведение в контексте дальневосточного фронта / А.П. Забияко // Проблемы преподавания и современное состояние религиоведения в России. – М.: Изд-во МГУ, 2002а. – С. 91–98.
10. Забияко, А.П. Русские в условиях дальневосточного фронта: этнический опыт XVII века / А.П. Забияко // История Амурской области с древнейших времен до начала XX века. – Благовещенск: Изд-во Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, 2008. – С. 214–224.
11. Забияко, А.П. Русские и китайцы: встреча на рубеже культур / А. П. Забияко // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. – Благовещенск, 2001. – Вып. 4. – С. 19–28.
12. Забияко, А.П. Русские и китайцы: этнокультурные константы (постановка проблемы) / А.П. Забияко // Из истории российско-китайских отношений. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 1999. – С. 209–213.
13. Забияко, А.П. Синкретизм религиозный / А. П. Забияко // Религиоведение: энцикл. слов. / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический Проект, 2006. – С. 984.
14. Забияко, А.П. Этническое сознание и этнокультурные константы как фактор русско-китайских отношений / А.П. Забияко // Забияко А.П. Русские и китайцы: этномиграционные

- процессы на Дальнем Востоке / А.П. Забияко, Р.А. Кобызов, Л.А. Понкратова; под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. – С. 124–140.
15. Забияко, А.П. Этническое сознание как субъективный фактор взаимоотношений России и Китая: теоретические и прикладные аспекты // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск, 2003. – Вып. 5. – С. 224–228.
16. Забияко, А.П. Этническое сознание как субъективный фактор взаимоотношений России и Китая: теоретические и прикладные аспекты / А.П. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 3 / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2002b. – С. 422–429.
17. Конталева Е.А. Религиозный синкретизм в культуре русской эмиграции в Харбине / Е.А. Конталева // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае / Отв. ред. Ли Яньлин. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2019. – С. 306–317.
18. Конталева, Е.А. Религиозно-синкретические основания ментальности русских эмигрантов (на примере художественно-этнографической прозы Н.А. Байкова и П.В. Шкуркина) / Е.А. Конталева // Религиоведение. – 2020. – № 3. – С. 45–54.
19. Ладселл, Г. Извлечение из шести писем о поездке в 1888 году в Малый Тибет [Электронный ресурс] / Г. Ладселл; пер. К.Н. Десино // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. L. – СПб., 1892. – URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1880-1900/Lansdell/Reise_Tibet_1888.htm (дата обращения 15.02.2022).
20. Хисамутдинов, А.А. О чем рассказали китайские львы: К истории Восточного института и Государственного дальневосточного университета / А.А. Хисамутдинов; под ред. Г.П. Турмова. – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2009. – 160 с.
21. Хисамутдинов, А.А. Синолог П. В. Шкуркин: «...не для широкой публики, а для востоковедов и востоколобов» / А.А. Хисамутдинов // Известия Восточного института. – 1996. – № 3. – С. 150–160.
22. Чжан, Линьбэй. Родильная обрядность маньчжуров Северо-Восточного Китая / Чжан Линьбэй // Религиоведение. – 2011. – № 1. – С. 46–57.
23. Чжан, Линьбэй. Свадебная обрядность маньчжуров: эволюция, религиозный смысл и символика / Чжан Линьбэй // Религиоведение. – 2010. – № 2. – С. 80–90.
24. Чжоу, Синьюй. Китайский фольклор в произведениях писателя-синолога П.В. Шкуркина / Чжоу Синьюй // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (Харбин, 16–18 июня 2018 г.). – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2019. – С. 220–227.
25. Чирков, Н.В. Инкультурация христианства в миссионерской деятельности римско-католической церкви: методология исследования / Н.В. Чирков // Религиоведение. – 2015. – № 1. – С. 15–29.
26. Широкогоров, С.М. Этнографические исследования. Избранные работы и материалы: В 2 кн. Кн. 1: Избранное / С.М. Широкогоров. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2001a. – 191 с.
27. Широкогоров, С.М. Этнографические исследования. Избранные работы и материалы: В 2 кн. Кн. 2: Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений / С.М. Широкогоров. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2001b. – 144 с.
28. Шкуркин, П.В. Город Хулан-чен. Очерки из исторического и экономического быта Центральной Маньчжурии / П.В. Шкуркин. – Никольск-Уссурийский, 1904. – 94 с.
29. Шкуркин, П.В. Хуланчен // Известия Восточного Института. / Под ред. А. Позднеева. – 1901–1902. – Т. III. – Ст. 11.
30. Шкуркин, П.В. Хулан-чен. С приложением плана города Хулан-чена и 1 листа с чертежами / П. В. Шкуркин. – Владивосток: Паровая типолитография газеты «Дальний Восток», 1902. – 96 с.
31. 丁世良. 中国地方志民俗资料汇编(东北卷)/丁世良. –北京:书目文献出版社, 1989. –506页. = Дин Шилян. Сборник китайских местных хроник и фольклорных материалов (Северо-восток) / Дин Шилян. – Пекин: Изд-во библиографической литературы, 1989. – 506 с.
32. Хэ Синь. Словарь китайских и иностранных культурных знаний / Хэ Синь. – Харбин: Хэйлунцзянское народное изд-во, 1989. – 1171 с. (何新. 中外文化知识辞典 / 何新. – 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 1989. – 1171页).
33. У Сиюн. Краткая история миграции в Северо-Восточный Китай в период новой истории / У Сиюн. – Сантай: Северо-восточный университет, 1941. – 346 с. (吴希庸. 近代东北移民史略 / 吴希庸. – 三台: 东北大学, 1941. 346页).

34. Цзян, Шичжон. *Анналы уезда Хулань / Цзян Шичжон.* – Пекин: Китайское книгоиздательство, 1994. – 616 с. (姜士忠. 呼兰县志 / 姜士忠. – 北京: 中华书局, 1994. – 616 页).
35. Цзи Ионхэй. От контакта до слияния / Цзи Ионхэй // *Изучение маньчжурского языка.* – Пекин: Народное изд-во, 2004. – С. 24–55 (季永海. 从接触到融合 / 季永海 // 满语研究. – 北京: 人民出版社, 2004. – 页. 24–55).
36. Фан Кэли. *Словарь китайской философии / Фан Кэли.* – Пекин: Китайское изд-во социальных наук, 1994. – 802 с. (方克立. 中国哲学大辞典 / 方克立. – 北京: 中国社会科学出版社, 1994. – 802 页).
37. Ли Цзюнь. Мигранты в движении «Переход в Гуаньдун» / Ли Цзюнь, Ху Пен // *Ретроспектива и комментарий.* – 2016. – № 4. – С. 103–114 (季军. 20世纪以来的“闯关东”移民 / 季军, 胡鹏 // 回顾与评述. – 2016. – № 4. – 页. 103–114).
38. Ли Юйцинь. Социологическая интерпретация телесериала «Переход в Гуаньдун» / Ли Юйцинь // *Социализм с китайской спецификой: теория, методология, практика.* – 2008. – № 2. – С. 484–488 (李戡钦. 电视剧《闯关东》的社会学解读 / 李戡钦 // 中国特色社会主义: 理论·道路·事业. – 2008. – № 2. – 页. 484–488).
39. Ли Хуэй. Культурный фон культа маньчжуров к Гуань-гуну / Ли Хуэй // *Исследование истории династии Цин с многомерной точки зрения.* – Пекин: Комитет по исследованию истории дворца Цин Китайского исторического общества, 2011. – С. 276–286 (李蕙. 论满族关公崇拜的文化背景 / 李蕙 // 多维视野下的清宫史研究. – 北京: 中国史学会清宫史研究委员会, 2011. – 页. 276–286).
40. Ли Синь. Особенности развития и изменения северо-восточных городов до событий «18 сентября» / Ли Синь // *Вестник Тунхуаского педагогического института.* – 2011. – Т. 32. – № 1. – С. 44–46, 53 (李鑫. 九一八事变前东北城市发展变化的特点 / 李鑫 // 通化师范学院学报. – 2011. – 卷. 32. – № 1. – 页. 44–46, 53).
41. Дуань Юлинь. Движение «Переход в Гуаньдун» и северо-восточные культурные изменения / Дуань Юлинь, Гао Чживэй, Кан Сяньин, Чжан Тин // *Молодой литератор.* – 2017. – № 17. – С. 36–37 (段雨霖. “闯关东”与东北文化流变 / 段雨霖, 高志伟, 康香莹, 张婷 // 青年文学家. – 2017. – № 17. – 页. 36–37).
42. Ван Хунган. О культуре маньчжурского обычая / Ван Хунган, Цзинь Цзихао. – Чанчунь: Народное изд-во провинции Цзилинь, 1993. – 415 с. (王宏刚. 满族民俗文化论 / 王宏刚, 金基浩. – 长春: 吉林人民出版社, 1993. – 415 页).
43. Ван Синьжуй. Изучение литературы движения «Переход в Гуаньдун» / Ван Синьжуй. – Чанчунь: Цзилиньский университет, 2016. – 175 с. (王欣睿. «闯关东»文学研究 / 王欣睿. – 长春: 吉林大学, 2016. – 175 页).
44. Ши Сюфэн. Китайская Республика. Хроника обрядов и обычаев / Ши Сюфэн // *Хроника округа Гайпин.* – 2002. – Т. 10. – № 1. – С. 18–21 (石秀峰. 民国. 礼俗志 / 石秀峰 // 盖平县志. – 2002. – 卷. 10. – № 1. – 页. 18–21).
45. Чжан Юи. Материалы сельскохозяйственной истории Китая в новой истории: В 3 т. Т. 2 / Чжан Юи. – Пекин: Книжный магазин Сяньлянь, 1995. – 638 с. (章有义. 中国近代农业史资料 / 章有义. – 北京: 三联书店, 1995. – 638 页).
46. Фань Лицзюнь. Исследование истории и культуры движения «Переход в Гуаньдун» / Фань Лицзюнь. – Пекин: Изд-во источники по общественным наукам, 2016. – 232 с. (范立君. 闯关东历史与文化研究 / 范立君. – 北京: 社会科学文献出版社, 2016. – 232 页).
47. Се Хунсин. Обзор народных верований и культуры в древнем городе Хулань / Се Хунсин, Чжан Цзяцзин // *Общественные науки Хэйлуцзяна.* – 2020. – № 3. – С. 143–147 (解洪兴. 古城呼兰民间信仰文化综述 / 解洪兴, 张家境 // 黑龙江社会科学. – 2020. – № 3. – 页. 143–147).
48. Гао Бинчжун. Введение в китайский фольклор / Гао Бинчжун. – Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2009. – 357 с. (高丙中. 中国民俗概论 / 高丙中. – 北京: 北京大学出版社, 2009. – 357 页).
49. Гао Сяоянь. Особенности развития городов в северо-восточном пограничном районе / Гао Сяоянь // *Учеба и исследование.* – 1993. – № 2. – С. 118–125 (高晓燕. 试论东北边疆地区城市发展特点 / 高晓燕 // 学习与探索. – 1993. – № 2. – 页. 118–125).

Текст поступил в редакцию 02.03.2022.

Принят к публикации 03.05.2022.

Опубликован 29.09.2022.

¹ Юн-чжэн (雍正, 1678–1735, Айсиньгэро Иньчжэнь, кит. 爱新觉罗·胤禛) – пятый император династии Цин.

² Турфан (уйг. ئاپرۇت, кит. упр. 吐鲁番, пиньинь *Tulufán*), город в пров. Синьцзян (ныне – Синьцзян-Уйгурском автономный округ). Судя по сегодняшней демографической ситуации (70% населения – уйгуры), во времена поздней Цин уйгуры также были этническим большинством.

³ Аксу (от тюркского «белая вода», уйг. ئۇسقاي, *Aqsu*, кит. упр. 阿克苏, пиньинь *Ākèsū*) – город в пров. Синьцзян, ныне городской уезд в округе Аксу Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. В 1888 г. Генри Ладселл писал о населении города: «Население состоит, кроме турок, из 500 китайских и 500 дунганских семейств» [Ладселл, 1892]. Дунгане – синоязычный мусульманский народ, проживающий в Киргизии, Казахстане, Китае. В КНР также проживает более 13 млн. хуэй-цзу, которых часто относят к дунганам. Дунгане и уйгуры переселились в Семиречье в 1870-х гг. после поражения анти-цинского восстания в северо-западном Китае.

⁴ Район в провинции Ляочэн (Шаньдун, Китай).

References

1. Baranov I.G. *Po kitajskim hramam Ashiie* [According to the Chinese temples of Ashiie]. Harbin: Tipografiya Kitajsko-Vostochnoj zheleznoj dorogi, 1926, 50 p. (in Russian).
2. Chirkov N.V. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk, 2015, no. 1, pp. 15–29 (in Russian).
3. Ding Shiliang. *Collection of Chinese local chronicles and folklore materials (Northeast)*. Beijing: Publishing House of Bibliographic Literature, 1989, 506 p. (in Chinese).
4. Duan Yulin, Gao Zhiwei, Kang Xianyin, Zhang Ting. *Young Writer*. 20176 no. 17, pp. 36–37 (in Chinese).
5. Dyabkin I.A. *Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah. Istoricheskij opyt vzaimodejstviya kul'tur* [Russia and China on the Far Eastern Borders. Historical experience of interaction of cultures]. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, vol. 11, pp. 329–339 (in Russian).
6. Fan Lijun. *Exploring the History and Culture of the Crossing to Guangdong Movement*. Beijing: Publishing House of Sources on Social Sciences, 2016, 232 p. (in Chinese).
7. Fang Keli. *Dictionary of Chinese Philosophy*. Beijing: Chinese publishing house of Social Sciences, 1994, 802 p. (in Chinese).
8. Gao Bingzhong. *Introduction to Chinese Folklore*. Beijing: Publishing House of the Beijing University, 2009, 357 p. (in Chinese).
9. Gao Xiaoyan. *Study and Research*. 1993, no. 2, pp. 118–125 (in Chinese).
10. He Xin. *Dictionary of Chinese and Foreign Cultural Knowledge*. Harbin: Heilongjiang folk Publ., 1989, 1171 p. (in Chinese).
11. Jiang Shizhong. *Annals of Hualien County*. Beijing: Chinese Publishing House, 1994, 616 p. (in Chinese).
12. Khisamutdinov A.A. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [Proceedings of the Oriental Institute]. 1996, no. 3, pp. 150–160 (in Russian).
13. Khisamutdinov A.A. *O chem rasskazali kitajskie l'vy: K istorii Vostochnogo instituta i Gosudarstvennogo dal'nevostochnogo universiteta* [What the Chinese lions told about: On the history of the Oriental Institute and the State Far Eastern University]. Vladivostok: Izdatel'stvo DVGTV, 2009, 160 p. (in Russian).
14. Kontaleva E.A. *Lyubimyj Harbin – gorod druzhby Rossii i Kitaya* [Beloved Harbin – the city of friendship between Russia and China]. Vladivostok: Izdatel'stvo VGUES, 2019, pp. 306–317 (in Russian).
15. Kontaleva E.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk, 2020, no. 3, pp. 45–54 (in Russian).
16. Ladsell G. *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of geographical, topographic and statistical materials on Asia]. Saint Petersburg, 1892, vol. I (in Russian).
17. Li Hui. *Exploring the History of the Qing Dynasty from a Multidimensional Perspective*. Beijing: Qing Palace History Research Committee of the Chinese Historical Society, 2011, pp. 276–286 (in Chinese).
18. Li Jun, Hu Peng. *Retrospective and commentary*. 2016, no. 4, pp. 103–114 (in Chinese).
19. Li Xin. *Bulletin of the Tonghua Pedagogical Institute*. 2011, vol. 32, no. 1, pp. 44–46, 53 (in Chinese).
20. Li Yuqin. *Socialism with Chinese characteristics: theory, methodology, practice*. 2008, no. 2, pp. 484–488 (in Chinese).
21. Shi Xiufeng. *Gaiping County Chronicle*. 2002, vol. 10, no. 1, pp. 18–21 (in Chinese).
22. Shirokogorov S.M. *Etnograficheskie issledovaniya. Izbrannye raboty i materialy: V 2 kn. Kn. 1: Izbrannoe* [Ethnographic research. Selected works and materials: In 2 books. Book. 1: Favorites]. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2001a. 191 p. (in Russian).
23. Shirokogorov S.M. *Etnograficheskie issledovaniya. Izbrannye raboty i materialy: V 2 kn. Kn. 2: Etnos. Issledovanie osnovnykh principov izmeneniya etnicheskikh i etnograficheskikh yavlenij* [Ethnographic research. Selected works and materials: In 2 books. Book. 2: Ethnos. Study of the basic principles of change in ethnic and ethnographic phenomena]. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2001b. 144 p. (in Russian).
24. Shkurkin P.V. *Gorod Hulan-chen. Oчерки iz istoricheskogo i ekonomicheskogo byta Central'noj Man'chzhurii* [Hulan-chen city. Essays on the historical and economic life of Central Manchuria]. Nikol'sk-Ussurijskij, 1904, 94 p. (in Russian).
25. Shkurkin P.V. *Hulan-chen. S prilozheniem plana goroda Hulan-chena i 1 lista s chertezhami* [Hulan-chen. With the application of the Hulan-chen city plan and 1 sheet of drawings]. Vladivostok: Parovaya tipo-litografiya gazety “Dal'nij Vostok”, 1902, 96 p. (in Russian).
26. Shkurkin P.V. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [Proceedings of the Oriental Institute]. 1901–1902, vol. 3 (in Russian).
27. Wang Honggang, Jin Zihao. *About the culture of the Manchu custom*. Changchun: Narodnoe izdatel'stvo provincii Jilin, 1993, 415 p. (in Chinese).

28. Wang Xinrui. *Studying the Literature of the Crossing to Guangdong Movement*. Changchun: Zilin University, 2016, 175 p. (in Chinese).
29. Wu Xiyong. *A Brief History of Migration to Northeast China in the New History Period*. Sangtai: Northeastern University, 1941, 346 p. (in Chinese).
30. Xie Hongxing, Zhang Jiaying. *Social Sciences of Heilongjiang*. 2020, no. 3, pp. 143–147 (in Chinese).
31. Zabiyaiko A.A. *Mental 'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Harbina* [The mentality of the Far Eastern frontier: culture and literature of Russian Harbin]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk, 2016, 437 p. (in Russian).
32. Zabiyaiko A.A., Zhou Xinyu. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and Humanitarian Sciences in the Far East]. 2019, vol.16, no. 4, pp. 135–142 (in Russian).
33. Zabiyaiko A.P. *Istoricheskij opyt osvoeniya Dal'nego Vostoka* [Historical experience of the development of the Far East]. Blagoveshchensk, 2001, vol. 4, pp. 19–28 (in Russian).
34. Zabiyaiko A.P. *Istoriya Amurskoj oblasti s drevnejshih vremen do nachala XX veka* [History of the Amur Region from ancient times to the beginning of the 20th century]. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Centra po sohraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Amurskoj oblasti, 2008, pp. 214–224 (in Russian).
35. Zabiyaiko A.P. *Iz istorii rossijsko-kitajskih otnoshenij* [From the history of Russian-Chinese relations]. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 1999, pp. 209–213 (in Russian).
36. Zabiyaiko A.P. *Problemy prepodavaniya i sovremennoe sostoyanie religiovedeniya v Rossii* [Problems of teaching and the current state of religious studies in Russia]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002a, pp. 91–98 (in Russian).
37. Zabiyaiko A.P. *Religiovedenie: enciklopedicheskij slovar'* [Religious Studies: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Akademicheskij Proekt, 2006, p. 984 (in Russian).
38. Zabiyaiko A.P. *Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah* [Russia and China on the Far Eastern Frontiers]. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2003, vol. 5, pp. 224–228 (in Russian).
39. Zabiyaiko A.P. *Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah* [Russia and China on the Far Eastern Frontiers]. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002b, vol. 3, pp. 422–429 (in Russian).
40. Zabiyaiko A.P. *Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah. Russkie i kitajcy: regional'nye problemy etnokul'turnogo vzaimodejstviya* [Russia and China on the Far Eastern Frontiers. Russians and Chinese: regional problems of ethnocultural interaction]. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010, vol. 9, pp. 5–10 (in Russian).
41. Zabiyaiko A.P. *Russkie i kitajcy: etnomigracionnye processy na Dal'nem Vostoke* [Russians and Chinese: Ethnomigration Processes in the Far East]. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009, pp. 124–140 (in Russian).
42. Zabiyaiko A.P. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 2016, no. 11, pp. 26–36 (in Russian).
43. Zabiyaiko A.P., Chirkov N.V. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk, 2014, no. 4, pp. 162–179 (in Russian).
44. Zabiyaiko A.P., Zhang Linbei. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk, 2013, no. 1, pp. 60–84 (in Russian).
45. Zhang Linbei. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk, 2011, no. 1, pp. 46–57 (in Russian).
46. Zhang Linbei. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk, 2010, no. 2, pp. 80–90 (in Russian).
47. Zhang Youyi. *Materials of China's Agricultural History in Modern History*. Beijing: Xianlian book store, 1995, vol. 2, 638 p. (in Chinese).
48. Zhou Xinyu. *Lyubimyj Harbin – gorod druzhby Rossii i Kitaya* [Beloved Harbin – the city of friendship between Russia and China]. Vladivostok: Izdatel'stvo VGUES, 2019, pp. 220–227 (in Russian).
49. Zi Yonghai. *Learning Manchu*. Beijing: Narodnoe izdatel'stvo, 2004, pp. 24–55 (in Chinese).

Submitted for publication: March 2, 2022.

Accepted for publication: May 3, 2022.

Published: September 29, 2022.